

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ

DOI 10.69540/2949-3846.2025.80.47.001

УДК 94(47)

О.Ю. Куц

O.Yu. Kutz

ПОХОД НА ДОН КНЯЗЯ СЕМЕНА РОМАНОВИЧА ПОЖАРСКОГО 1646 Г. И РАССПРОС В АСТРАХАНИ 25 ИЮЛЯ САЛТАНАШ-МУРЗЫ АКСАК-КЕЛЬМАМЕТЕВА¹

A TRIP TO THE DON KNYAZ SEMYON ROMANOVICH POZHARSKY IN 1646 AND QUESTIONED IN ASTRAKHAN ON JULY 25 BY SALTANASH-MURZA AKSAK-KELMAMETEV

Аннотация:

В фокусе внимания — поход князя С.Р. Пожарского на Дон в 1646 г., а также известный и важнейший документ о военно-политических событиях и ситуации на Дону во время этого похода. Введенный в научный оборот А.А. Новосельским, этот документ никогда ранее не публиковался и не исследовался с позиций комплексной критики источника, и до сих пор используется большинством историков в виде заимствованных из классического труда Новосельского цитат. Успешная экспедиция кн. Пожарского сорвала подготовку к масштабному вторжению на Русь войск крымского хана, а также сняла угрозу разорения с казачьих городков Войска Донского. Исследуемый и публикуемый документ представляет собой допрос в Астрахани вождя ногайских, юртовских и едисанских татар, который в этом походе выступал товарищем воеводы князя С.Р. Пожарского. Другим «полком», состоявшим из черкесов, гребенских и терских казаков, командовал князь Муцал Черкасский; самостоятельно действовало и Войско Донское. В войсках, собранных русским правительством на Дону, отсутствовало единоначалие, и лишь

¹ Подготовил к печати А.В. Малов, к. ист. н., директор Научного центра истории казачества МГУТУ им. К.Г. Разумовского. О.Ю. Куц подготовил публикацию для альманаха «Единорог». Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени» в 2014 г., еще до выхода из печати второй его монографии (Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М., 2014. 596 с.). Автор продолжал работать над материалом и позже, внося дополнения и уточнения в текст вплоть до своей тяжелой болезни, приведшей к его безвременному уходу в мир иной. В силу названных обстоятельств и в условиях приостановки выхода альманаха «Единорог» его главным редактором принято решение о передаче этой работы в «Вестник МГУТУ».

храбрость, прагматичность и инициативность князя С.Р. Пожарского помогли избежать поражения и привели к успеху.

Ключевые слова: Войско Донское, Большая Ногайская орда, Малая Ногайская орда (Казыев улус), Крымское ханство, Азов, Османская империя, гребенские и терские казаки, публикация источника.

Abstract:

The researcher focuses on the campaign of Prince S.R. Pozharsky to the Don in 1646, as well as the well-known and most important document on military and political events and the situation on the Don during this campaign. Introduced into scientific circulation by A.A. Novoselsky, this document has never been published before and has not been studied from the standpoint of a comprehensive criticism of the source, and is still used by most historians in the form of quotations borrowed from Novoselsky's classic work. Pozharsky's successful expedition disrupted preparations for a large-scale invasion of Russia by the troops of the Crimean Khan, and also removed the threat of ruin from the Cossack towns of the Don Army. The document under study and published is an interrogation in Astrakhan of the leader of the Nogai, Yurt and Edisan Tatars, who acted as a comrade of the voivode Prince S.R. Pozharsky in this campaign. Another «regiment», consisting of Circassians, Grebensky and Terek Cossacks, was commanded by Prince Mutsal Cherkassky; and the Don Army acted independently. There was no unity of command in the troops assembled by the Russian government on the Don, and only the bravery, pragmatism and initiative of Prince Pozharsky helped to avoid defeat and led to success.

Keywords: Don Cossacks, Bolshaya Nogai Horde, Malaya Nogai Horde (Kaziev ulus), Crimean Khanate, Azov, Ottoman Empire, Grebensky and Tersk Cossacks, publication of the source.

Поход стольника и воеводы кн. Семена Романовича Пожарского с ратью на Дон в 1646 г. является весьма ярким эпизодом русской военной истории середины XVII в. Ратным людям этого военачальника совместно с донскими казаками удалось нанести несколько чувствительных ударов по татарам (а также отчасти Азову). Крым вместо запланированного в этом году набега «на Русь» оказался в положении обороняющейся стороны. Существенную помощь и передышку получило и донское казачество, которое после потерь, понесенных при обороне Азова (1641), испытывало сильнейшее военное давление турецко-татарских сил.

Интерес вызывают прежде всего боевые операции, проведенные российской стороной против крымских и казыевских татар. В этом

отношении исключительно информативным источником оказываются подробнейшие расспросные речи в Астрахани от 25 июля 1646 г. Салтанаш-мурзы Аксак-Кельмаметева, одного из предводителей в войске кн. С.Р. Пожарского². Особое значение расспросным речам Салтанаш-мурзы придает то обстоятельство, что большая часть документов, рассказывающих о военных событиях похода, отличается краткостью. В особенности сказанное касается информации о бое под казачьим Черкасским городком 6 июля 1646 г., ставшем своего рода прологом к походу русских сил на р. Кагальник (первые числа августа этого года), завершившемся разгромом наголову стоявшего там лагерем крымского войска — разгромом, который еще спустя много лет будут вспоминать как у донских казаков, так и у крымских татар.

Поход кн. С.Р. Пожарского был описан А.А. Новосельским в его фундаментальном труде о борьбе России с татарами в первой половине XVII в.³ При этом автором был задействован и указанный источник — в частности, на его основе А.А. Новосельским освещен целый ряд военных событий похода. Однако расспрос Салтанаш-мурзы дает также картину похода войска кн. С.Р. Пожарского от Волги в целом и ярко отражает взаимоотношения, сложившиеся между отдельными воинскими подразделениями в составе русских сил на Дону. Кроме того, расспросные речи мурзы построены в форме своего рода оправдания как от пришедших в Астрахань обвинений в его адрес со стороны донских казаков в изменнических действиях, так и в связи с его самовольным отъездом из войска кн. Пожарского. И если позиция рассказчика была неискренней, то, соответственно, добротность описания Салтанаш-мурзой событий самого похода оказывается под вопросом, поскольку возможность в данном случае грубых искажений, как полагаем, очень вероятна. Эти источниковедческие обстоятельства не нашли отражения в работе А.А. Новосельского. В то же время вызывает удивление информированность Салтанаш-мурзы. Прежде всего, в связи с данными моментами представляется необходимым коснуться этой очень весомой в татарской среде политической фигуры, ее отношения к русской власти; одновременно

² Боевые операции против Крыма в 1646 г. велись по большей части совместно с астраханскими татарами — значительная группа последних во главе с мурзами входила в подчинение непосредственно самого кн. С.Р. Пожарского. Кроме того, в состав российских сил на Дону входили также донские казаки, отряд горских черкас и русских ратных людей с Терека во главе с кн. Муцалом Черкасским, а также вольные ратные люди, набранные в южнорусских городах для «донской службы» дворянами Ж.В. Кондыревым и М. Шишкиным.

³ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 373—377, 380—384.

невозможно не упомянуть и о политических процессах, происходивших тогда в татарском мире.

Следует отметить, что татары как ранее, в конце XVI — начале XVII в., так и в рассматриваемый период времени не представляли собой в политическом отношении единого целого. Они были расколоты на ряд политических объединений, зачастую враждовавших друг с другом. На юге существовало два главных политических объединения татар. Прежде всего это была Крымская орда («Крымский улус»), занимавшая Крымский полуостров, а также Причерноморские и Приазовские степи. С другой стороны, близ Астрахани с 1640-х гг. кочевали остатки Большой Ногайской орды, пребывавшие в русском подданстве и находившиеся под руководством астраханских воевод.

Большая Ногайская орда еще в начале XVII в. являлась крупным политическим объединением татар, однако после перехода улусов Больших Ногаев в 30-е гг. XVII в. в Крым и возврата к началу 1640-х гг. обратно под Астрахань их силы оказались подорванными; орда стала распадаться. Основу Большой Ногайской орды составляли улусы мурз трех основных родовых кланов этого объединения — Тинмаметевых, Урмаметевых, Иштерековых. Большая часть улусов Урмаметевых, правда, так и не вернулась под Астрахань, сохранив крымское подданство. Они довольно часто кочевали в Приазовье — или «на Крымской степи» — по р. Молочные Воды, Верхним и Нижним Бердам, а также близ Перекопа.

Между Азовом и р. Кубанью («Кубой») кочевали улусы Малой Ногайской орды («Казыев улус»), части которой временами принимали русское подданство и уходили на кочевья к востоку — в предгорья Кавказа (к Кабарде) и к р. Куме. Малые Ногаи традиционно подчинялись Крыму, однако, находясь в удалении от него, часто действовали на свой страх и риск. Существовала также группа азовских татар, живших в Азове или кочевавших близ него.

Ситуация политической разобщенности нередко приводила к вражде и набегам татар друг на друга — последнее вызывалось и тем обстоятельством, что враждовавшие стороны принадлежали к разным государствам. Поэтому походы татар Большой Ногайской орды «на Крымскую степь», а также их нападения на Малых Ногаев и азовцев — и наоборот — были достаточно обычным делом. Иногда отряды татар отправлялись из-под Астрахани в набеги «под Крым» по распоряжению астраханских властей⁴. Вследствие этого присутствие в войске кн. С.Р. Пожарского большой группы ногайских татар не удивительно, хотя на отправку крупных сил в состав русских войск с целью участия в бое-

⁴ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637—1667). СПб., 2009. С. 157—158 и далее.

вых действиях против Крыма мурзы Большой Ногайской орды обычно шли с неохотой, поскольку затем по их кочевьям могли быть нанесены со стороны крымцев ответные удары.

Салтанаш-мурза Аксак-Кельмаметев относился к клану мурз Тинмаметевых, его отцом был Аксак-Кельмамет, один из сыновей бия (князя) Тинмамета — главы Большой Ногайской орды конца 90-х гг. XVI в. Имя Аксак-Кельмамета-мурзы Тинмаметева исчезает из источников после крупного конфликта в 1619 г. Урмаметевых мурз — с одной стороны, и Тинмаметевых и Иштерековых — с другой. Аксак-Кельмамет являлся одним из наиболее влиятельных мурз в Большой Ногайской орде и был известен также своими набегами на русские территории в предыдущее время⁵. Впрочем, погиб он, по-видимому, не от рук Урмаметевых. Позднее, в 1640 г., Салтанаш-мурза прямо обвинял в убийстве отца одну из родовых групп Тинмаметевых мурз, возглавлявшуюся на момент этого обвинения Янмамет-мурзой Тинмаметевым⁶. После гибели Аксак-Кельмамета-мурзы на широкую политическую арену в Большой Ногайской орде и выходят, судя по всему, его сыновья — мурзы Акимбет и Салтанаш Аксак-Кельмаметевы.

Политическая биография Салтанаш-мурзы достаточно противоречива, но в то же время она отражает ситуацию политических метаний, а также раскола и противоречий между родовыми линиями мурз Больших Ногаев — это вызывалось в большой степени также тем, что орда оказалась выбитой с мест своих традиционных кочевий за Волгой калмыцкими вторжениями и уже нигде не могла прочно закрепиться. Во время кочевья в «Крымской степи», при достаточно определившихся настроениях в кочевьях Больших Ногаев вновь перейти — вследствие притеснений со стороны крымцев и перехода Азова в 1637 г. в руки казаков — в русское подданство, братья Акимбет и Салтанаш чинили препятствия (исходя, по-видимому, в том числе и из личной вражды) к переходу под Азов улусов кейкувата⁷ Янмамет-мурзы Тинмаметева, обманом захватив и выдав крымцам его самого. Затем, однако, и Салтанаш-мурза поддался охватившему ногайских татар стихийному движению к уходу из крымского подданства, перекочевав во второй половине 1639 г. в числе прочих мурз Тинмаметевых и Иштерековых к Азову⁸.

Уже в это время, принадлежа к молодому поколению мурз Большой Ногайской орды, Салтанаш-мурза был очень весомой политической

⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 138—141.

⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 285.

⁷ Кейкуват — почетный титул в Большой Ногайской орде.

⁸ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 283—284, 290.

фигурой. Так, в расспросных речах в Воронеже шести донских казаков — жильцов воронежской Выползовой слободы⁹, прибывших 7 декабря 1639 г. в Воронеж из Азова, говорится, что в середине ноября этого года Большие Ногаи, переправившись через Дон, стояли на Ногайской (левой) стороне реки и кочевали под Азовом вверх по Дону и на р. Кагальник. Причем в ходе перечисления пяти наиболее видных мурз, возглавлявших основные кочевые объединения ногайских улусов (в такие объединения входили и менее крупные мурзы), в документе упомянут и Салтанаш-мурза Аксаков¹⁰. Характерно, впрочем, что у степных донских казаков, весьма неплохо разбиравшихся в делах кочевого мира и политическом раскладе среди ногайских мурз, фигура Салтанаш-мурзы в отношении России считалась ненадежной. В частности, когда казаки созывали в свой войсковой круг для привода татар к «шерти» (присяге) русскому государю ногайскую верхушку (включая всех татарских мурз и «лутчих старых людей» из улусов)¹¹ в том, что впредь ногайцам к турецкому и крымскому «царям» «не отъехать» и «на государевы украины войною не ходить»¹², Салтанаш-мурза для присяги в Азов прибыть отказался, дав ее казакам около города в степи¹³. Объяснять это прежде всего следует, безусловно, опасениями Салтанаш-мурзы за свою безопасность.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что и желание ногайских мурз вернуться в русское подданство в целом первоначально не вызывало у донских казаков особого доверия. Так, несколько царицынских стрельцов, приехавших в середине августа 1639 г. с Дона в Царицын, показывали в расспросе следующее. На Дону в казачьем городке Голубые атаман Лазарь Андреев сообщил им, что из Азова тогда во все верхние донские городки была отправлена войсковая грамота. Последняя информировала казаков: «слух де в Азове есть», что Большие Ногаи «обратились к государственной милости» и идут назад (впрочем, пока еще по «Крымской степи») обратно к Астрахани. В грамоте предупреждалось, чтобы «казакам по Дону жити в городках от ногайцов с опасеньем». Согласно показаниям царицынских стрельцов, «атаманы и казаки» (т. е. Войско) татарам не доверяли и опасались, что «они (но-

⁹ Речь о воронежских служилых людях — городских донских казаках.

¹⁰ Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. Стб. 959.

¹¹ Здесь названа не верхушка перекочевывавших под Азов Больших Ногаев в полном составе, а выборочно перечислены имена важнейших мурз.

¹² РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. Раздел 2. 1639 г. № 12. Л. 123—124. (Войсковая отписка с Дона в Москву от 23 ноября 1639 г.)

¹³ Донские дела. Кн. 1. Стб. 959. (Расспросные речи воронежских донских казаков Бориса Новикова и Наума Проскурнина с товарищами.)

гайцы. — *О.К.*) таким словом их казаков обманывают». Да и в «понизовых городах» по Волге — Царицыне и Черном Яру также необходимо «бережение» — «чтоб де нагайские люди какова дурна не учинили», заключали стрельцы¹⁴.

Опасения казачьего войска не заставили себя долго ждать, что уже напрямую касалось кочевого объединения Салтанаш-мурзы Аксакова. Дело в том, что, помимо присяги на верность русскому государю, казаки также взяли с ногаев клятву в том, что последним «из-под казачьих городков конских и животинных стад не отгоняти, и <...> донских казаков не побивати, и не грабити, и в полон не имати, и татарского ясырю¹⁵ у них не подговаривати»¹⁶. В качестве ответного жеста казачье войско вернуло «ногайский ясырь», который в предыдущее время был захвачен у ногайцев «за саблю» (т. е. во время казачьих походов), выкупив его у владельцев за войсковые средства¹⁷. Однако позднее в Астрахань с Дона была отправлена войсковая отписка с жалобой на то, что Салтанаш-мурза в «правде (клятве. — *О.К.*) своей не устоял», «шерть свою и договорное слово нарушил», так как его улусные люди, «приходя» к Азову и под казачьи городки, «многие конские и животинные стада отгоняют, и донских казаков побивают и в полон емлют», а также татарский ясырь (пленников из прочих татар. — *О.К.*) бежать (от казаков) «подговаривают и увозят <...> к себе в ногайские улусы». А когда от казаков с претензиями по этому поводу к Салтанаш-мурзе был послан донской татарин Аллаяр, то Салтанаш-мурза казачьему посланцу «во всем отказал», обещал присоединиться к туркам и крымцам, когда последние придут осаждать Азов, а самого посланца «держал у себя в улусах долгое время», пока тому наконец не удалось бежать (указанные события произошли в первой половине 1640 г.)¹⁸.

Не исключено, впрочем, что казаки по каким-либо мотивам могли отчасти и оговаривать Салтанаш-мурзу перед астраханскими властями, но напряженные отношения между ними и Салтанаш-мурзой с его «улусными людьми» (в отличие от прочих ногайских татар) все же, думается, были налицо. При этом по договору с ногайцами набеги на них из казачьих городков были у казаков запрещены — более того, по тому же договору стороны дали обещание помогать друг другу в военном отношении в случае набега откуда-нибудь на одну из них, от соблюдения чего, согласно казачьей отписке в Астрахань, также открыто

¹⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1639 г. № 1. Л. 121—122.

¹⁵ Имеются в виду пленники из ногайских татар.

¹⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1640 г. № 1. Л. 440—441.

¹⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1639 г. № 12. Л. 121.

¹⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1640 г. № 1. Л. 440—441.

отказывался Салтанаш-мурза во время переговоров с донским татарин-ном Аллаяром¹⁹.

После ухода ногаев из-под Азова Салтанаш-мурза со своим ко-чевым объединением («улусами») сначала кочевал в 3-4 днях пути от Астрахани — к востоку от Можарского городища, а затем отошел в сторону Кабарды. Идти под Астрахань — в соответствии с требованием русских властей и в отличие от других мурз — Салтанаш-мурза, а также другие кочевавшие с ним мурзы и их «улусные люди» наотрез отказы-вались по причине «большой ссоры» с Янмамет-мурзой и другими мур-зами, находившимися там (Янмамет-мурзе после выдачи его братьями Аксак-Кельмамметевыми в Крым удалось вскоре бежать обратно в свои кочевья)²⁰. Согласно мнению А.А. Новосельского, Салтанаш-мурза Акса-ков являлся на тот момент самым влиятельным из мурз Большой Ногай-ской орды, кочевья которой распались в это время на четыре основные группы, причем улусы самого Салтанаш-мурзы были наиболее много-численными²¹. Несмотря на свою вражду с донским казачеством, Сал-танаш-мурза, тем не менее, достаточно прочно, похоже, придерживался русского подданства (причем невзирая на то, что его братья — мурзы Акимбет и Салтаналы Аксак-Кельмамметевы остались в крымском под-данстве). Так, отправленные в 1640 г. из Москвы в Большую Ногайскую орду посланники Н.И. Белосельский и подъячий И. Хоненев, побывавшие в улусах Салтанаш-мурзы весной этого года, писали в своем статейном списке, что в мурзах «салтанашева кочевья» со всеми их «улусными людьми» в это время по отношению к русскому государю «шатости²² <...> никакие не было». Более того, один из «лутчих» черных людей Сал-танаш-мурзы, Ишакай, выражая, безусловно, общий настрой ногайцев, сказал посланникам следующее: «Тово де себе не мните, что им (Салта-нашевым. — *О.К.*) улусным людям с мурзами мыслити (отъехать. — *О.К.*) в Крым»; в Крыму ногайцы были и «все видели: не токмо де им (черным татарам. — *О.К.*) — и мурзам честь была обычная»; кроме того, от крым-цев они «беды и налоги терпели болшие»²³. На вопрос посланников, какие именно беды терпели татары в Крыму, «тот улусной человек Ишакай» сказал: «почели де было у них в Крыме аманаты имати сильно (наильно брать заложников. — *О.К.*); и в улусы де к ним приезжаючи,

¹⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1639 г. № 12. Л. 123; 1640 г. № 1. Л. 441.

²⁰ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 284, 285. См. также: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1639 г. № 13. Л. 214, 216—218, 221—222.

²¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 285.

²² Ненадежность.

²³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1639 г. № 13. Л. 354, 370.

крымские люди лошади имали силно ж, и животину всякую побивали, и жон их и детей безчестили. И они де для тово от крымсково царя от-стали и пришли опять под ево государскую высокую руку в холопство по-прежнему»²⁴.

В 1641 г., однако, общая военная и политическая ситуация в степях, где кочевали ногаи, резко изменилась, что вновь привело в движение улусы Большой Ногайской орды: с целью осады Азова на «Ногайскую сторону» реки Дон прибыло огромное турецко-крымское войско. Из Больших Ногаев в состав крымского войска, пришедшего под Азов, входили улусные люди как мурз Урмаметевых, наиболее устойчиво державшихся под Крымом, так и Тинмаметевых мурз, ряд из которых еще оставался в крымском подданстве, включая братьев Салтанаш-мурзы — Акимбета и Салтаналы мурз Аксаковых. По получении известий о приходе турок и крымцев под Азов в ногайских улусах, находившихся «под рукой» русского государя, обнаружилась «шатость». Крымский «царь» Бекадыр-Гирей грозил разгромом ногайцам, находившимся в русском подданстве; кроме того, мурзы Тинмаметевы из-под Азова усиленно добивались возвращения под этот город своих улусных людей, ушедших от них с родственными им мурзами во время бегства ногаев из-под Крыма. Усилия татар, стоявших под Азовом, и угрозы крымцев возымели свое действие — некоторые ногайские мурзы прикочевали к Азову. В первую очередь это были улусы Чубармаммет-мурзы Тинмаметева и его племянников Навруза и Худайната мурз Сары-Исуповых.

Салтанаш-мурза действовал осторожнее. Во время ухода из-под Крыма он завладел крупными чужими улусами и боялся их потерять. В то время как Чубармаммет-мурза кочевал к Азову, Салтанаш-мурза просил его подождать, пока он сумеет «отманиться» от астраханских воевод. Однако вскоре на его улусы внезапно напали Урмаметевы мурзы, отогнав стада и захватив большое число улусных людей, а также жен и детей последних. Указ Бекадыр-Гирея вернуть захваченное мурзам Тинмаметевым, находившимся под Азовом, Урмаметевыми выполнен не был. В результате началось междоусобие между теми и другими, происходившее уже на пути в Крым из-под не взятого Азова. Сначала потерпели поражение Урмаметевы мурзы, разбитые Акимбет-мурзой, а также Сары-Исуповыми мурзами и потерявшие часть улусов, но впоследствии Акимбет и Чубармаммет мурзы были убиты Урмаметевыми, при этом в усобице принимали участие и Уракмамаевы мурзы из Малых Ногаев.

В Крыму ногайцев ждали очередные притеснения крымцев. Будучи, как это бывало и раньше, загнанными в пределы полуострова,

²⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1639 г. № 13. Л. 370.

они были расселены по деревням крымских татар, оружие у них изъяли. Печальное положение ногайских татар в Крыму хорошо видно из слов, высказанных ногайскими улусными людьми, в начале 1642 г. возвращавшимся из Турции через Крым, русским гонцам В. Лыкову и А. Буколову: «Ныне мы сами плачем, да пособить не умеем»; «оманули (обманули. — О.К.) де нас крымские татаровя — приезжали де к нам от крымского царя и от крымских людей с грозами, а сказали, будто Азов они у казаков взяли и нас звали под Азов кочевать — а если де не пойдете, и мы де пойдём на вас войною, тогда милости не просите...»; позднее в Крыму ногаи терпели «великую нужу и неволю большую». По словам ногайцев, не так бы им «было больно и жалостно», если бы они «от христиан и нужу какую терпели, нежели от своей братьи от бусурман (ее терпеть. — О.К.)». Согласно русским источникам, доходило до того, что крымские служилые люди (сеймены), приезжавшие в ногайские улусы для сбора налогов, «иным временем, выбив ногайских мужиков из дворов, емлют жен их к себе на постелю и позорят». Как было и ранее, ногаи лишились значительной части своих стад²⁵.

Неудивительно, что как только весной 1642 г. ногайцев выпустили на кочевья за Перекоп (пребывание ногаев в Крыму обычно вызывало вздорожание там цен на продукты питания — «дороговь великую»), они сразу же предприняли попытку ускользнуть из крымского подданства. Содействовала этому и агитация со стороны ногайских мурз, остававшихся под Астраханью, — в интересах последних было вернуть себе улусных людей, отнятых у них в 1641 г. Одним из первых вернулся к Волге Салтаналы-мурза Аксаков — брат Салтанаш-мурзы, немало претерпевший в Крыму, за ним последовали сыновья погибшего Чубармат-мурзы Тинмаметева; Урмаметевы же мурзы так и остались в крымском подданстве.

Астраханские воеводы сумели убедить часть Больших Ногаев вернуться на их прежние кочевья за Волгой, при этом даже удалось добиться примирения между некоторыми враждовавшими между собой мурзами. Однако в феврале 1643 г. по кочевавшим на левой стороне Волги ногайским улусам последовал неожиданный удар со стороны калмыков, в результате чего часть этих улусов была захвачена нападавшими. В числе ногайских мурз, вышедших таким образом из-под власти астраханских воевод и оказавшихся со своими кочевьями под властью калмыков, видим и Салтаналы-мурзу Аксакова²⁶.

²⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 290—293.

²⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 357—359.

Между тем значительная часть ногайских улусов продолжала кочевать, как и ранее, на правой стороне Волги, оставаясь в русском подданстве; так же, как и ранее, они не были объединены и были раздираемы усобицами. Часть ногаев пребывала на кочевьях под Астраханью, остальные кочевали между этим городом и Тереком, но и в 1640-е гг. над ними продолжала нависать угроза калмыцких нападений; продолжался и распад орды. В первые месяцы 1646 г. от Тинмаметевых мурз откололись улусы мурз Иштерековых (Би, Саин, Чебан мурз и ряда других), обосновавшихся на кочевьях по Тереку и отказывавшихся вернуться под Астрахань. Части орды стали жить каждая своей особой жизнью, не имея между собой связи и находясь в состоянии постоянной и непримиримой вражды²⁷. В этой ситуации улусы Салтанаш-мурзы Аксак-Кельмаметева, значительно превосходя по численности прочие части Большой Ногайской орды, осели в степях между Астраханью и Тереком.

Согласно наблюдению А.А. Новосельского, в 1640-х гг. русские власти считали Салтанаш-мурзу наиболее влиятельным и сильным из ногайских лидеров: с ним вели переговоры, его приглашали в Москву, привлекали к участию в военных предприятиях²⁸. По-видимому, отнюдь не случайно, что именно к Салтанаш-мурзе, наряду с отправлением посольства к калмыкам, обратились за военной помощью летом 1643 г. оставившие Азов донские казаки, испытывавшие в то время сильнейший турецко-татарский натиск на свои городки со стороны этого города²⁹ (правда, решительно никаких последствий этого посольства по документам не прослеживается). Однако, несмотря на свою силу и влияние, властью над остальными ногайскими мурзами и их улусами, не находившимися под его непосредственным началом, Салтанаш-мурза облечен не был; кроме того, в Большой Ногайской орде имелся ряд мурз, принадлежавших к старшему поколению³⁰. Очень интересно, что мы почти не видим участия Салтанаш-мурзы Аксакова в ногайских усобицах, происходивших в степях между Доном, Волгой и Тереком с середины 1640-х гг.

²⁷ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 361—362.

²⁸ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 362.

²⁹ Акты исторические. Т. 3. СПб., 1841. С. 476—477. (Расспросные речи в Воронеже донского станичного атамана Томилы Корякина от октября 1643 г.) В публикации читаем: донские казаки «послали от себя казака Панкрата Степанова, да с ним трех татар трех человек призывать к себе *Салтана Шамурзу*» (курсив наш. — О.К.). Речь в документе идет, безусловно, о посольстве к Салтанаш-мурзе Аксакову — публикаторами источника было неверно прочитано его имя: в военных и политических реалиях степи этого времени фигуры с именем Салтана Шамурзы не встречаем.

³⁰ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 285, 362.

В феврале 1649 г. Салтанаш-мурзе выделили особый посадский двор в Каменном городе в Астрахани, ему предоставили охрану. Тогда же он согласился уговорить своего брата Салтаналы-мурзу прикочевать к Астрахани и отойти от калмыков. Впрочем, в успехе этого дела сомневались сами воеводы, поскольку Салтаналы-мурза имел репутацию «человека шаткого». К концу 1650-х гг. Салтанаш-мурза откочевал на Терек и за эту реку; по каким-то причинам у него произошло охлаждение отношений (как, впрочем, и у ряда иных мурз) с астраханскими воеводами³¹.

В завершение биографии мурзы зададимся поставленным выше вопросом — насколько следует доверять его показаниям. После первого знакомства с документом у нас возникла известная доля недоверия к рассказчику, прежде всего касательно роли его самого в обрисованных им событиях, к попытке Салтанаш-мурзы всеми правдами и неправдами обелить себя и свой самовольный отъезд перед астраханскими воеводами и русским государем. Однако процесс сбора сведений о Салтанаш-мурзе Аксакове в ходе составления его биографического очерка для данной публикации заставил нас по-иному взглянуть на показания мурзы. Имеющиеся на настоящий момент данные об отношениях Салтанаша с казаками привели к выводу, что традиционно негативное мнение донских казаков об этой крупной политической фигуре ногайского мира вполне могло привести к его оговору казаками перед астраханскими властями. Совершенно правдоподобной представляется нам и названная Салтанаш-мурзой причина его сугубо вынужденного отъезда из войска кн. С.Р. Пожарского — страх перед вполне реальной возможностью расправы над ним со стороны донских казаков. А последние вполне могли воспользоваться с этой целью и готовым предлогом, и беззащитностью мурзы после самовольного ухода с Дона входивших в подчинение кн. Пожарскому ногайских татар. Причем заметим, что личной вины Салтанаша в отъезде татар, думается, не было никакой, — как полагаем, этот отъезд произошел, в частности, не в последнюю очередь благодаря некорректной насмешке над татарами, которую опрометчиво позволил себе русский голова А. Хрущев (см. конец публикуемого ниже документа).

Отнюдь не настаивая на окончательности и абсолютной уверенности выводов, к которым на настоящий момент мы пришли при анализе публикуемого документа, считаем, что эти выводы могут быть откорректированы через привлечение из архивохранилищ РГАДА новых источников, касающихся как биографии Салтанаш-мурзы, так и событий похода, изложенных в его расспросных речах.

³¹ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 45, 59—60.

Перейдем к комментарию непосредственно содержания самого документа. Расспросные речи Салтанаш-мурзы в Астрахани от 25 июля 1646 г. перед астраханскими воеводами боярином Б.А. Репниным и окольничим Ф.Ф. Волконским, а также дьяком Д. Протопоповым, помещенные на 32 листах, содержат весьма подробное освещение событий похода стольника и воеводы кн. С.Р. Пожарского от Волги (с р. Сарпы) до момента самовольного отъезда из его войска основного числа ногайских татар примерно 12 июля. Наибольший интерес в данных расспросных речах вызывает описание Салтанашем боя под Черкасским городком 6 июля 1646 г., в котором он участвовал лично, однако этим содержание документа далеко не исчерпывается — в показаниях ногайского мурзы содержится, как уже говорилось, весьма многоплановая картина похода. И если изложение общего хода боевых операций против татарских улусов с участием войск, подчиненных непосредственно кн. С.Р. Пожарскому, и других русских сил на Дону можно найти и в иных источниках, то такие особенности похода и боевых действий, как взаимоотношения между главами и подразделениями русских сил в низовьях Дона, отношения тех и других с донскими казаками, описание событий бунта части подчиненных С.Р. Пожарскому астраханских конных стрельцов, кроме того — характерные черты самого кн. Пожарского как человека и как командующего, находят отражение только в этом источнике.

Из документа следует, что Салтанаш-мурза был назначен указом из Москвы главой татарских отрядов, входивших в подчинение кн. Пожарскому. Отсюда, по-видимому, и проистекает его исключительная информированность о событиях похода. Вероятно, она могла бы быть и большей, если бы не то обстоятельство, что одно время Салтанаш-мурза, в соответствии с отпиской астраханских воевод, был по распоряжению кн. С.Р. Пожарского «взят за пристава» (т. е. арестован). Следует отметить, что мера это была принята в связи с получением в Астрахани 21 июня 1646 г. войсковой отписки донских казаков. В последней астраханским воеводам сообщалось о предупреждении, которое было сделано Салтанаш-мурзой кочевавшим под Азовом татарским мурзам и их улусным людям касательно похода в низовья Дона русских войск³². Помимо этого, в Астрахани была также получена отписка воеводы г. Царицына с приведением расспросных речей нескольких вернувшихся с Дона из Черкасского городка царицынских жителей. Согласно показаниям последних, во время одного из походов под Азов донские казаки захватили татарских языков, которые «в роспросе и с пытки» показали, «что де до их казачья приходу» к Азову сюда «подал весть» Салтанаш-мурза, в результате чего «по ево де Салтанашевым вестям от Азова

³² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1646 г. № 1. Л. 204.

все мурзы и татаровя откочевали прочь». При этом, согласно сведениям, полученным от упомянутых царицынских жителей, «говорят де в Войску (т. е. в Черкасском городке. — *О.К.*) казаки, что [они] боятца измены от Салтанаш-мурзы»³³. О непростых отношениях донских казаков с Салтанаш-мурзой уже упоминалось. В связи с этим возникает вопрос — не был ли возможен оговор Салтанаша со стороны донских казаков в качестве своего рода продолжения имевших место ранее трений? Ведь из текста расспросных речей четко следует, что предупреждение в Азов о походе русского войска дал с Терека Чебан-мурза Иштереков, а отнюдь не Салтанаш, о чем прямо сообщали кн. С.Р. Пожарскому сами донские казаки. Но, как бы то ни было, к решающим событиям похода Салтанаш-мурза уже был освобожден кн. Пожарским из-за пристава.

Большой интерес в расспросных речах представляет собой свидетельство Салтанаш-мурзы о характере взаимодействия основных групп русских сил на Дону — войск кн. С.Р. Пожарского и кн. М. Черкасского (а также между ними самими) и донских казаков. Собственно, русские силы, задействованные Москвой для действий против татар, и состояли из этих трех группировок. Под началом кн. С.Р. Пожарского были дети боярские, астраханские конные стрельцы, а также ногайские, едисанские и юртовские татары во главе с мурзами и табунными головами. Кн. М. Черкасский, подошедший с Терека, возглавлял терских стрельцов и гребенских казаков, а также черкас, окочен и татар. Третьей составляющей русских войск на Дону было донское казачество. Основные силы последнего, которые и составляли казачье войско (Войско Донское) во главе с войсковым атаманом, находились в Черкасском городке — центре казачества Дона. Рядом с Черкасским городком стояли вольные ратные люди, набранные Ж.В. Кондыревым и М. Шишкиным в южно-русских городах для службы на Дону. (Эти ратные люди были переданы в подчинение донским казакам, но одновременно при них продолжал состоять и сам Кондырев.)

Как отмечено А.А. Новосельским, единого командования на Дону не было, стороны должны были действовать с общего совета³⁴. Однако в полной мере осуществить этот замысел не удалось. Первыми здесь соответствующим образом проявили себя донские казаки, которые, согласно показаниям Салтанаш-мурзы, объявили себя главными якобы в соответствии с указом из Москвы и потребовали от кн. Пожарского идти с ними в поход на Азов (что Москвой, поскольку Азов являлся турецким городом, было заранее категорически запрещено). После того как кн. Пожарский отказал казакам, среди входивших в его войско астра-

³³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Раздел 2. 1646 г. № 1. Л. 204, 206.

³⁴ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 380.

ханских конных стрельцов возник бунт, в ходе которого 700 стрельцов «розных приказов» вышли из повиновения воеводе и отправились в запретный поход под Азов вместе с казаками и вольными ратными людьми³⁵. На некоторое время эти стрельцы самовольно выходят из подчинения своему воеводе и присоединяются к отряду кн. М. Черкасского, стоявшего, в отличие от кн. Пожарского, на левой стороне Дона. В связи с данными событиями необходимым представляется коротко остановиться на взаимодействии этих двух группировок русских сил на Дону, а также на отношениях их командующих как между собой, так и с донскими казаками.

Князь М. Черкасский подошел к Дону 16 июня, за день до переправы войска Пожарского на правую («крымскую») сторону Дона³⁶. Согласно Салтанаш-мурзе, из состава его отряда на правую сторону к кн. Пожарскому переправились только ногайские татары да сам кн. Черкасский «с небольшими своими улусными людьми с одним своим кошем», т. е. только с собственным походным обиходом. Причем контакта и «совета» между ним и кн. Пожарским в это время не было, а подчиненные кн. М. Черкасскому силы оставались с его ведома на левой стороне реки. Как можно заключить из расспросных речей Салтанаш-мурзы, такая ситуация была на руку донским казакам и, более того, возникла «по договору» их с кн. М. Черкасским. Последующие события — если исходить из мысли о верной информированности в этих событиях рассказчика (уже освобожденного в то время из-за караула) — проясняют достаточно хитрую логику действий донских казаков. Замыслив поход под Азов и заранее предполагая, по-видимому, отказ кн. С.Р. Пожарского от подобного предприятия, а также не имея, безусловно, достаточных конных сил для действий против этого города (в данное время казачество Дона было очень сильно ослаблено предшествующими боями с турками и татарами), казаки решили подбить на этот поход отряд М. Черкасского. Ведь в отличие от московского воеводы кн. С.Р. Пожарского, М. Черкасский не был связан такими обязательствами перед Москвой, как воеводский наказ, а его ратные люди по своим психологическим устремлениям были весьма

³⁵ Всего, согласно расспросным речам Салтанаш-мурзы, под началом кн. С.Р. Пожарского состояло около полутора тысяч астраханских конных стрельцов. Таким образом, из повиновения воеводе вышли, надо полагать, наименее устойчивые из них в плане дисциплины. Позднее таковые же из сходных побуждений присоединялись к войску С. Разина на Волге и каспийском взморье в 1667—1668 гг. (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 11. М., 1991. С. 280, 281, 282, 284—285, 286.)

³⁶ Донские дела. Кн. 2. СПб., 1906. Стб. 919.

сходны с донскими казаками — несомненно, не политические тонкости московской дипломатии, а возможность захвата военной добычи владела их умами. В связи с этим отсутствие единого командования русскими силами на Дону было только к казачьей выгоде. Агитация той же направленности со стороны донских казаков, безусловно, имела место и в отношении войска кн. Пожарского. Именно ее следствием, без всякого сомнения, и стал бунт части подчиненных данному воеводе астраханских стрельцов. Это видно уже из того, что, когда взбунтовавшиеся стрельцы стали переправляться на другую сторону Дона, струги для переправы были «подведены» к ним именно из Черкасского городка.

Далее последовал поход объединенных сил донских казаков, присланных на Дон вольных ратных людей, отряда кн. М. Черкасского и упомянутых астраханских стрельцов под Азов, а затем — общий поход исключительно конных сил (включая войско кн. Пожарского) на татарские улусы, кочевавшие в это время южнее Азова на р. Ее, закончившийся полным разгромом этих кочевий³⁷. (На ходе и подробностях этих боевых действий мы здесь останавливаться не будем, поскольку они достаточно емко освещены в самом документе, а весьма немногочисленные дополнительные сведения можно почерпнуть из опубликованных материалов³⁸.) При этом возникла беспрецедентная ситуация — донские казаки и ратные люди кн. М. Черкасского, а также взбунтовавшиеся стрельцы силой отняли добычу у ратных людей кн. Пожарского. Продолжая держаться обособленно, они разделили ее между собой и самостоятельно вернулись к Дону, опять (за исключением донских казаков, ушедших в свой Черкасский городок) оставшись на левой («азовской») стороне этой реки, в то время как подчиненные кн. С.Р. Пожарскому люди вновь перешли на ее правую сторону. Любопытно при этом, что астраханские стрельцы, распродав доставшуюся на их паи добычу, вернулись под начало своего воеводы после его соответствующего призыва к ним по этому поводу. Данный факт ясно показывает, что бунт астраханских стрельцов носил не принципиальный, а временный характер, связанный исключительно с искушением приобрести военную добычу.

Тем временем разделение русских сил на Дону было использовано противником, в связи с чем мы переходим к сюжету о бое под казачьим Черкасским городком 6 июля 1646 г. Если оставить в стороне расспросные речи Салтанаш-мурзы, то в других источниках это событие освещено достаточно лаконично. Вот рассказ о данном бое из отпи-

³⁷ Данное событие не следует путать с боем на р. Кагальник 4 августа 1646 г.

³⁸ Донские дела. Кн. 2. Стб. 907—908, 919—920.

ски в Москву от 10 июля Ж.В. Кондырева (к сожалению, отписки самого кн. С.Р. Пожарского об этом событии мы не имеем), находившегося тогда на Дону: «И июля, государь, в 6 день на утреней зоре приходили на князь Мусаловы и на Бей-мурзины станы тотаровя, и учал с ними быть бой. И князь Семен Пожарской с ратными людьми, и пешие и конные донские атаманы и казаки, и вольные люди, переехав Дон-реку в стругах, на бой пошли. И был бой с татары до полудни, и на том, государь, бою князь Семена ранили; и языков (неприятельских. — *О.К.*) поимали»³⁹. Позднее, подчеркивая в своей челобитной роль, которую сыграли в бою под Черкасским городком вооруженные пищальями вольные ратные люди, он также добавлял: «...а без пеших была, государь, без вольных людей князь Семену и князь Мусалу [во время боя] делать нечева»⁴⁰.

Несколько более подробное, но также достаточно общее описание этого боя дали донские казаки. В сравнении с предыдущим рассказом значительно сгустив краски, как это они зачастую делали при передаче боевых эпизодов, казаки в войсковой отписке в Москву от того же времени писали: «Да июля ж, государь, в 6 день с утра, на утреней зоре <...> приходил крымский царевич Нез-Кирей нурадын с крымскими и с ногайскими мурзы и со многими их воинскими людьми, и азовской Мустофа-бей со всеми городовыми людьми и с черкесы темрючками, и всех де, государь, было их десять тысяч, и били подле наш Черкасской городок на князь Мусала Сенчелеевича Черкасково и на Бий-мурзу Ищерекова. И князь Мусала, государь, Черкасково от тово их удару Бог помиловал со всеми ратными людьми; и учинил он, князь Мусал, с ними бой. И послыша, государь, мы, холопи твои, бой и крик, вышли мы к нему, х князь Мусалу, на выручку тотчас наспех всем войском, конные и пешие, и учинили мы с ним бой. А твоего царьского величества стольнику и воеводе князю Семену Романовичу Пожарскому подали мы о том весть, чтоб он шел наспех к нам на помощь со всеми твоими государевыми ратными людьми, не мешкая ж ни часу. И князь Семен Романович Пожарской пришел к нам со всею ратью, не замешкав же ни часу. И билися, государь, мы с ними с утра и до вечера, и кровопролитие, государь, у нас с ними было великое. И Божию, государь, милостию, а твоим государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии счастьем с кошу мы их збили, и многих людей побили и языков у них побрали. А царевичь со всеми своими воинскими людьми пошел от нас отводом с великою нуждою. И на том, государь, бою князь Семена Романовича Пожарсково ранили из лука; да письменова голову Якова Хрущова рани-

³⁹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 921.

⁴⁰ Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. С. 174.

ли ж; да наших, государь, казаков, и князь Мусаловых узденей, и терских казаков многих переранили, и коней у нас наповал многих же побили»⁴¹.

Очень малоинформативна отписка в Москву кн. М. Черкасского о бое под Черкасским городком⁴².

В отличие от процитированных источников, расспросные речи Салтанаш-мурзы дают гораздо более подробную картину столкновения под Черкасским городком. Не пересказывая здесь данные сведения, остановимся на главном. Мужественно приняв бой с гораздо более крупными силами противника, кн. М. Черкасский даже не счел необходимым послать весть к кн. Пожарскому — тот поспешил со своей конницей на помощь самостоятельно, значительно подкрепив силы горцев и терских ратных людей. Однако это только добавило ожесточенности столкновению: между сторонами разгорелся, согласно Салтанаш-мурзе, «жестокий свальной бой» — рукопашная схватка, в ходе которой татары стали одолевать государевых ратных людей; они прорвались в центр боевых порядков последних, заставив их отходить. Интересно, что ногайские татары Би-мурзы Иштерекова с его братьями⁴³, самовольно присоединившиеся к силам кн. М. Черкасского и тоже участвовавшие в грабеже ратных людей и татар кн. Пожарского (с 1645 г. они кочевали по Тереку, где успели завязать контакты с Кабардой⁴⁴), бежали в самом начале боя, бросив кн. Черкасского. На выручку же ему, по иронии судьбы, пришли в том числе ограбленные его людьми татары, подчиненные кн. Пожарскому. Окончательный итог боя определил своевременный подход от Дона русской пехоты (включая донских казаков и вольных ратных людей), отбросившей крымскую конницу ружейным огнем и принудившей ее к отступлению.

Расспросные речи Салтанаш-мурзы Аксакова интересны также еще одним важным моментом — из них можно составить довольно яркое представление о личностных чертах кн. С.Р. Пожарского, позднее прославившегося, уже будучи окольным, своей мученической гибелью от рук крымских татар в ходе боя под Конотопом в 1659 г. и причисленного затем к лику святых. Согласно свидетельству Салтанаш-мурзы, кн. С.Р. Пожарский предстает перед нами человеком как горячим, скорым до действия, рвущимся в бой, так и увлекающимся. В частности, он позволял себе покидать войско на марше, гоняя на охоту за зверем, которым изобиловали донские степи, — по-видимому, как человек су-

⁴¹ Донские дела. Кн. 2. Стб. 909—910.

⁴² Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Т. 1. М., 1957. С. 275—276.

⁴³ Речь идет о двоюродных братьях Би-мурзы — Карасаин-мурзе и Урак-мурзе Яштерековых.

⁴⁴ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 361.

губо воинский, «рыцарский», он не мог отказать себе в этом излюбленном для благородных людей его круга развлечении. С другой стороны, он не был злопамятным и интересы общего («государева») дела ставил явно выше личных обид и счетов, о чем свидетельствует его примирение с кн. М. Черкасским после боя 6 июля — такое, думается, было по плечу далеко не каждому. Как представляется, именно эти черты кн. С.Р. Пожарского и проявились в Конотопской битве 28 июня 1659 г., когда князь из-за отсутствия точных сведений о противнике ринулся в крайне рискованную разведку боем. Этим шагом он, согласно версии исследователя данного боя И.Б. Бабулина, заставил обнаружить себя затаившуюся крымскую орду во главе с ханом, в результате чего русское войско боярина А.Н. Трубецкого было спасено от окружения и полного разгрома⁴⁵.

В целом, по-видимому, совместный бой под Черкасским городком в известной степени сплотил русские силы, наконец был налажен, по свидетельству Салтанаш-мурзы, и контакт между князьями С.Р. Пожарским и М. Черкасским. С донскими казаками было сложнее. Так, уже после самовольного отъезда из его войска ногайских татар, включая Салтанаш-мурзу (что произошло около 12 июля 1646 г.), кн. Пожарский в своей отписке в Москву сообщал, что донские казаки «ни о каком, государь, твоём государеве деле, о промысле не посоветуют» и никакими «вестями»⁴⁶ с ним «не зсылаютца»⁴⁷. Впрочем, трения и непонимание возникали у донских казаков практически со всеми воеводами, присылавшимися к ним с ратными людьми на Дон — донские казаки были в таких ситуациях весьма неуживчивы; к этому добавлялись и противоречия социального характера. Так, в той же отписке в Москву кн. С.Р. Пожарский писал, что «которые, государь, стрельцы пократчи у своей братьи стрельцов [имущество], и люди от дворян и детей боярских бегают, пократчи служилую рухледь и животы, лошади, и, бегая, живут у них же [казаров в Черкасском] в городке», и относительно их выдачи и неприема к себе в дальнейшем таких людей он посылал к казакам. Однако казаки «тех твоих государевых ратных людей, и дворян, и детей боярских беглых людей не отдали» и ему «во всем отказали»⁴⁸. Но и эти обстоятельства не помешали кн. С.Р. Пожарскому провести в первых числах августа 1646 г. совместно с донскими казаками и ратными людьми кн. М. Черкасского едва ли не ювелирную боевую операцию против

⁴⁵ Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009. С. 83—84, 149—150.

⁴⁶ «Промысел» (или «воинский промысел») — планирование и ведение боевых действий; «вести» — известия, информация о неприятеле.

⁴⁷ Донские дела. Кн. 3. СПб., 1909. Стб. 31—32.

⁴⁸ Донские дела. Кн. 3. Стб. 32.

расположившегося станом на р. Кагальник крупного татарского войска во главе с крымским царевичем-нурадыном, которая закончилась полным разгромом неприятеля, включая гибель татарского командующего и еще одного крымского царевича⁴⁹. Впрочем, данные события уже выходят за рамки тематики публикуемого документа.

1646 г., июля 25. Расспросные речи в Астрахани Салтанаш-мурзы Аксак-Кельмаметева

(Л. 205) 154-го года, июля в 25 день боярину и воеводам князю Борису Александровичу Репнину, да околничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьяку Дмитрею Протопопову ногайской Салтанаш-мурза Аксак Кельмаметев в роспросе сказал. По государеву указу велено ему быть на государеве службе в походе со столником и воеводою со князем Семеном Пожарским. И он де Салтанаш-мурза, а с ним улусных ево людей сто десять человек пошли из улусов своих ис-под Астарахани из Мачаков с нагайскими ж с Ямгурчеем-мурзою, да с Янибек-мурзою кейкуват Янмамет-мурзиными детми, да с Ыслам-мурзою Чубармамбетевым, а улусных людей с теми мурзы было триста пятьдесят человек. И съехали де они столника и воеводу князя Семена Пожарского с государевыми ратными людьми на урочище на реке на Сарпе от Астарахани в десяти днищах.

А с столником де и воеводою со князем с Семеном Пожарским вместе на стану стояли писменные головы Олексей Хрущов, да Родивон Костяев, да головы стрелецкие, да пушкарской голова с пушкари и с снарядом. А государевы ратные люди стояли по обе стороны и около наряду. А едисанские мурзы Алей-мурза Урусов с товарищи и с улусными своими людьми⁵⁰ стояли впереди от столника и воеводы в версте, или мало болши, по правую сторону. (Л. 206) А юртовские мурзы и табунные головы — мурза Бек-мурза Аллашев, да Эр-мурза Эш-мурзин, да Келимбет-Рамазанов, да Темир Саламатов с товарищи и с улусными своими людьми⁵¹ стояли впереди ж столника и воеводы против едисанских мурз по левую сторону, а нагайским де мурзам Ямгурчею-мурзе кейкуват Янмамет-мурзину и ему, Солтанаш-мурзе с товарищи и с улусными людьми

⁴⁹ Донские дела. Кн. 3. Стб. 237—238, 253—255. См. также: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами... С. 383.

⁵⁰ Едисанские мурзы и улусные люди — татары из числа ногаев, традиционно кочевавшие под Астраханью.

⁵¹ Юртовские мурзы, табунные головы и улусные люди — татары из числа ногаев, традиционно жившие под Астраханью и ведшие, в отличие от едисанских татар, полуоседлый образ жизни.

приказал столник и воевода стоять с юртовскими мурзы и с табунными головами, и с улусными их людьми вместе. А голова де у едисанских мурз и у татар был Алексей Хрушов. А у юртовских мурз и у табунных голов с улусными людьми голова был Родивон Костяев. А у них де, у нагайских мурз и улусных людей голова был свияженнин Иванис Колодничь.

И как де он Салтанаш-мурза с товарищи и с улусными людьми столника и воеводу з государевыми ратными людьми съехали, и после того на другой день с стану с урочища с речки Сарпы столник и воевода князь Семен Пожарской з государевыми ратными людьми на первом часу дни пошли подле Сарпы на низ и шли до полудня. А в полдни остановились подле той же речки Сарпы, и на том месте начевали, а назавтрее на первом же часу дни от Сарпы пошли на перемет к Дону, и шли половину дни степью без воды, и пришли в половину дни на урочище Янгелиш к горам, и стали у вод, и на том урочище ночевали. А назавтрее на первом же часу дни с урочища съ Янгелиша пошли через горы, и пришли в полдни на урочище на речку Карасал, и у той речки Карасал начевали. А на[з]автрее на первом же часу дни с того стану [по]шли подле речки Салу на низ, и шли подле (Л. 207) [т]ой речки Салу три дни, а ни с какими людьми не съезжались. А дорогою де идучи, столник и воевода князь Семен Пожарской в отъезжие караулы посылал стрелцов с юртовскими татары пополам. А нагайских и едисанских татар в отъезжие караулы не посылавал. А головы де в дороге в день хаживали с ними мурзы и с табунными головами вместе. А к ночи с станов головы от них отъезжали и начевали на станех с столником и воеводою вместе. А на четвертой день идучи подле Салу, поутру, часу в третьем дни увидели подъезжики перед собою людей, и сказали столнику и воеводе (про них. — О.К.), и за теми де людьми столник и воевода послал в погоню нагайского Ямгурчея-мурзу кейкуват Янмаметева, да юртовского Эрь-мурзу Эш-мурзина, а с ними юртовских, да едисанских з двесте человек татар. Да и подъезжих караулов с сотники погнались за теми людьми с сорок человек стрелцов, а после того вскоре и столник и воевода князь Семен Пожарской с писменными головами и з детми боярскими погнали за теми ж людьми, а наряду и войска не остановил. И бугучи (бегучи? — О.К.) де столник и воевода ему Салтанашу-мурзе говорил, чтоб он без него наряд и ратных людей остановил, и сам остановился у наряду. И он де Салтанаш-мурза наряд и ратных людей остановил у крепково места и сам стоял с пушкарским головою с Олексеем Бахмуровым у наряду подле речки Карасалу. И к ним де на стан ис погони столник и воевода князь Семен Пожарской и писменные головы с мурзы и с ратными людьми пришли того ж дни по(Л. 208)сле полдней перед вечерами и привели с собой языка — татарина азовского, да полоняников дву мордвинов. И тот де азовской татарин в роспросе сказывал, что де их азовских татар с шезде-

сят человек, а головщик де с ними и вож был Караагышем зовут, да и другой с ними головщик был, а имени де ево он Солтанаш-мурза не знает. Пошли из Азова нынешней весны, как снег учал сходить, в русские украинные места⁵² под Алаторь, и в алатарских де уездах взяли в полон толко дву мордвинов, и ехали назад в Азов, потому — ведомо де им учинилось от полонеников, что на Азов идут государевы ратные люди, а з государевыми де ратными людьми сами они нигде не видались. А про приход де государевых ратных людей в Азове ведома при них не было.

И пришед де ис погонки, столник и воевода на том месте, где он Солтанаш наряд и ратных людей установил у речки Карасал, начевал, а назавтрее поутру на первом часу дни от речки Карасал пошли и пришли к реке к Дону против казачья Торнового городка⁵³ в полдни, и на том месте и начевали. А назавтрее с того места пошли подле реки Дону на низ, и шли два дни, а ни с какими людьми не съезжались. И дорогою де идучи, столник и воевода князь Семен Пожарской за зверми от наряду в погоню езживал сам многижда, и он де Солтанаш-мурза столнику и воеводе князю Семену говаривал, что он ездит от наряду и от рати в погоню за зверми, и то дурно. И столник де и воевода ево о том не слушал, и в погоню за зверьми ездил. (Л. 209) И как де они шли по Дону на низ, и на третьей день ево Солтанаша-мурзу столник и воевода князь Семен Пожарской по астраханской отписке⁵⁴ отдал за пристава голове стрелецкому Федору Огибалову, и велел держать за караулом, а людей ево от него роздал за приставы порознь — пяти человек отдал голове стрелецкому Якову Ушакову, а шти человек отдал голове стрелецкому Миките Юдину. И был де он Солтанаш-мурза с людьми за приставом шестнатцать ден. А отдав де их столник и воевода за приставы, посылал от себя астраханца Максима Чекушникова с стрелцы и с татары в казачей в Черкасской городок х казаком для проведыванья про крымские и про азовские вести и про его Солтанаш-мурзину с азовскими людьми ссылку.

А отпуста де Максима Чекушникова, столник и воевода князь Семен Пожарской з государевыми ратными людьми и с нарядом пошол

⁵² Татарские набеги в русские пределы были явлением постоянным и нередко производились небольшими отрядами, причем независимо от того, был ли в данное время у Русского государства мир с Крымом либо Турцией или же нет.

⁵³ Речь идет о казачьем городке Терновом (иначе — Терновые). Сюда, по-видимому, выводила одна из дорог, шедших к Дону от Астрахани, и здесь же находилась одна из традиционных степных переправ через Дон. (См.: Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова... С. 382.)

⁵⁴ Речь идет об отписке астраханских воевод, отправленной из Астрахани к кн. С.Р. Пожарскому в связи с получением войсковой отписки с Дона об изменнических действиях Солтанаш-мурзы (см. вводную часть).

подле речки Дону на низ и шли до реки Маначи три дни, а ни с какими людьми не видались. А в четвертой день в полдни пришли к реке к Маначе, и у реки Манача остановились. И того же дни в вечерни приехал к столнику и воеводе ко князю Семену Пожарскому ис казачья ис Черкасского городка астраханец Максим Чекушников с стрельцы и с татары, да с Максимом же вместе приехали в трех стругах рекою Доном казачей войсковой ясаул, да с ним казаков со сто человек, и в роспросе де столнику и воеводе князю Семену Пожарскому Максим, и казачей ясаул, и казаки сказывали, что в Крыму де, и в Азове, и в нагайских улусех Урмамете(Л. 210)вых детей и у казыевцов Урмаметевых детей про поход государевых ратных людей ведомо есть, а присылал де про то с вестью в Азов, и в Крым, и к Урмаметевым детям, и х казыевцом нагайской Чебан-мурза Иштереков людей своих Атакада Чораша, а с ними приказывал, что указал де государь итти на Крым, и на Азов, и на крымские, и на казыевские улусы войною с Москвы с верховыми, и с астраханскими, и с терскими рускими ратными людьми московскому воеводе, а с нагайскими де, и с юртовскими, и с едисанскими мурзы и с татары указал государь начальным человеком быть ему, Салтанашу-мурзе. И государевы ратные люди на них идут. И они б де про то ведали и оберегались. И приехали де те Чебан-мурзины люди в город в Азов, а из Азова про то послали с вестью в Турскую землю, и в Крым, и к нагайским Урмаметевым детям, и х казыевцом, и во все улусы, а не он Солтанаш де мурза с теми вестями в Азов посылал.

И как де Максим Чекушников и ясаул с казаки ис Черкасского городка приехали, и того же дни ввечеру столник и воевода князь Семен Пожарской со всеми государевыми ратными с рускими людьми, и с мурзы, и с татары перевезлись за реку Ман[ач]. А государевых де русских ратных людей с столником и воеводою было детей боярских и стрельцов тысяча семьсот человек, а нагайских, и едисанских, и юртовских мурз и табунных голов, и татар д[ве] тысячи триста пятьдесят человек. И всего ратных людей с стол[Л. 211]ником и воеводою было четыре тысячи пятьдесят человек. А перевозились де ратные руские люди в казачьих стругах, а мурзы, и табунные головы, и татаровя перевозились на салах⁵⁵, и перевезлись, за Маначом начевали. А назавтрее от Маноча пошли по Дону на низ, и шли до полудня, а в полдни остановились. А он де Салтанаш-мурза с людьми своими в те поры были за приставы, и челобитье де ево Солтанаш-мурзино столнику и воеводе князю Семену Пожарскому было двожды, чтоб ево велел из-за пристава свободить

⁵⁵ Салы — плоты из камыша; речь о традиционном для татар способе переправы через реки.

на поруку, а порукою по себе давал едисанских мурз Урусовых детей Алея-мурзу Сатыева и юртовских табунных голов со всеми их улусными людьми. И столник де и воевода князь Семен ему отказывал, что без государева де указу ему свободить ево из-за пристава не уметь⁵⁶.

И как де они, перешед за Манач, и пришли к Дону, и у Дону учили полдневать, и на стану де в полдни били челом (Л. 212) столнику и воеводе князю Семену Пожарскому об нем, Салтанаш-мурзе, едисанские мурзы — Алей-мурза, да Борис-мурза Урусовы, да Янмаметь-мурза Янаев, да табунные головы Кара-Кабылов, да Иен-Чабаров, да Ак-Касюил, да юртовские мурзы Мурзабек Аллашев, да Эр-мурза Иш-мурзи[н], да табунные головы Келимбетъ Ромазанов, да Темирь Соломатов с товарищи и со всеми своими улусными и табунными людьми, чтоб ево Салтанаша-мурзу велел из-за пристава свободить на поруки. А они де мурзы и табунные головы со всеми своими улусными людьми порукою, и imajuца по нем головами своими, что от него в государеве службе дурна никакого не будет. И по челобитью де мурз и табунных голов столник и воевода князь Семен Пожарской велел ево Салтанаша-мурзу одного из-за пристава дать на поруку, а людей ево велел держать за приставом. И он де Салтанаш-мурза дал по себе поруку з записью за абызовыми (Л. 213) (неразб. слово)⁵⁷, а в записи де написали: по нем порукою едисанские и юртовские мурзы и табунные головы со всеми своими улусными людьми две тысячи человек. Да он же де Салтанаш-мурза столнику и воеводе князю Семену Пожарскому дал от себя почести два иноходца: один мухорт — дал сорок рублей, а другой в саврасе пег — дал пятнадцать рублей.

И как де ево Солтанаша-мурзу столник и воевода у реки Дону из-за пристава свободил, и того ж числа ночью послал столник и воевода князь Семен под Азов для языков юртовского Эл-мурзу Ак-мурзина, да сотника стрелецкого Гаврила Кутукова, а с ними юртовских и едисанских татар сто человек, а русские люди с ними были ль или нет, того он не ведает. А назавтрее де того дни пришли к столнику и воеводе ко князю Семену Пожарскому с Терка князь Муцал Черкасской, а с ним терских стрелцов и гребенских казаков, и черкас, и окочен⁵⁸, и татар

⁵⁶ «Не уметь» — нельзя, невозможно.

⁵⁷ «За абызовыми» (по контексту следует: «руками» или, возможно, «приписями»); абызы — священнослужители, грамотные люди у мусульман.

⁵⁸ Черкасы (горские) — наиболее частое для русских источников наименование черкесов и кабардинцев. Окочены (окоцкие люди) — жители Окоцкой слободы Терского города, выходцы из «Окоцкой земли» (иначе — «Ахоцкой земли») Северного Кавказа. (См. подробнее: Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е гг. XVII в.

с тысячу з двесте человек, да нагайские Би-мурза Иштереков с сыном своим с Тударык-мурзою, да Карасаин-мурза, да Урак-мурза Яштерековы, а с ними улусных их людей с триста человек. А после того на другой день поутру часу в третьем пришли столник и воевода со всеми государевыми ратными людьми против казачья Черкаского городка, и в те ж поры ис посылки приехали Эл-мурза Ак-мурзин, да сотник стрелецкой Гаврило Катуков с татары и сказали столнику и воеводе, что де они (неразб. слово: встретились? – *О.К.*) от Азова верст за десять с азовскими под(*Л. 214*)ъезщики. И азовские де подъезщики их подметили, и они де дале того не пошли, и языков им взять не удалось, и воротились назад, и бою де у них ни с кем не было. И того ж де дни, как ис посылки мурза и сотник пришли, столник и воевода учал через реку за Дон перевозитца с азовские стороны на Крымскую сторону в казачьих судах ниже казачья Черкаского городка с версту. И перевезлись за Дон столник и воевода з государевыми астраханскими рускими ратными людьми, и с мурзы, и с табунными головами, и с татары со всеми. И Би-мурза Ищереков с товарыщи перевезльс за Дон со всеми ж своими улусными людьми. А князь Муцал де Черкаской перевезся за Дон с небольшими своими улусными людьми с одним своим кошом⁵⁹ (кошем. — *О.К.*), а достальные де терские ратные люди — стрелцы и гребенские казаки, и татаровя, и черкасы, и окоченя за Дон не перевезлись, а остались у реки Дону против Черкаского городка на азовской стороне по договору с князь Муцалом Черкасским, да з донскими казаки. И перевезщися за Дон, столник и воевода князь Семен Пожарской з государевыми ратными людьми на Крымской стороне пониж[е] каза[чьего] Черкаского городка с версту остановился подле реки Дону на Яру⁶⁰, и стоял два дни. А до переходу де столника и воеводы за Дон стоял за Доном (*Л. 215*) на Крымской же стороне на острове подле казачья Черкаского городка воевода Ждан Кондырев з государевыми ратными с рускими с пешими людьми⁶¹, а сказывают де с ним ратных людей тысяч с восемь. И столник и воевода князь Семен Пожарской для совету к воеводе к Ждану Кондыреву ездил двожды. А каза-

М., 1963.)

⁵⁹ Кош — здесь: походное имущество. Чаще всего данный термин татарского происхождения употреблялся в значении русского слова «обоз»; нередко это слово значило также «стан», «лагерь».

⁶⁰ Речь идет, по-видимому, о заброшенных укреплениях казачьего городка под названием Монастырский Яр, до 1637 г. являвшегося центром донского казачества, либо же о местности рядом с таковыми.

⁶¹ Дворяне Ж.В. Кондырев и М. Шишкин прибыли на Дон из Воронежа с набранными ими в южнорусских городах для службы на Дону вольными ратными людьми 27 мая 1646 г. (Донские дела. Кн. 2. Стб. 918. Кн. 3. Стб. 39.)

чей де Черкасской городок стоит на реке Дону подле Крымской стороны на острове, а от города от Азова конскою ездою в полуднище на низу.

И после де столника князь Семенова на Крымскую сторону переходе в третьей день присылали к столнику и воеводе ко князю Семену Пожарскому ис Черкаского городка донские атаманы и казаки в ясаульном стругу ясаула с казаками, чтоб для совету ехал к донским атаманом и х казаком в Черкасской городок. И столник де и воевода князь Семен с писменными и стрелецкими головами, и з детми боярскими того ж дни ездил к атаманом и х казаком в Черкасской городок, и быв в городке с час, приехали назад к себе на стан, и на стану говорил Алеюмурзе Урусову с братьею, и ему Салтанашу-мурзе, и иным нагайским, и едисанским, и юртовским мурзам и табунным головам — говорили де ему донские казаки: прислан де к ним государев указ, а велено де бутто ему, князю Семену з государевыми ратными людьми слушати их донских казаков — (Л. 216) куды они казаки пойдут, и ему де з государевыми ратными людьми велено ходить с ними ж вместе, и они де казаки идут под Азов, а он бы де з государевыми ратными людьми шол с ними ж под Азов⁶². И он де казаком отказал, что ему с ратными людьми по государеву указу велено идти на крымские, да урмаметевых детей, да на казыевские улусы, а на Азов де идти государева указа у него нет. И без государева де указа на Азов он не идет. И наказ де им столник и воевода вычитал. А князь Муцал Черкасской и Би-мурза Ищереков з братьею в те поры стояли на станах своих, а к столнику и воеводе на совет не приезжали.

И государевы де ратные астраханские русские люди, и мурзы, и табунные головы, и татаровя, выслушев у столника и воеводы речь, говорили, чтоб он по государеву указу шол с ними под Крым на урмаметевы улусы, или на казыевские улусы, или под Азов, а на одном бы месте не стоял, потому что де им, на одном месте стоя, испроесться, и лошади у них исхудают. И столник де и воевода князь Семен Пожарской им говорил: слышел де он от казаков, что де казыевские улусы ушли за Кубан к Темрюком, а урмаметевы де дети ушли в Крым, а под Крым де на крымские улусы идти ему не с кем, потому что де донские казаки и князь Муцал Чер(Л. 217)касской с терскими ратными людьми и Би-мурза Ищереков с товарищи и с улусными своими людьми под Крым с ним

⁶² Поход под Азов, согласно отписке с Дона в Москву дворянина Ж.В. Кондырева, состоялся 18—25 июня 1646 г. (Донские дела. Кн. 2. Л. 907, 919—920.) С этим походом не следует путать очень похожий поход донских казаков и вольных ратных людей Доном на взморье 31 мая — 4 июня, произошедший еще до прибытия на Дон кн. С.Р. Пожарского с ратными людьми. (Донские дела. Кн. 3. Л. 54, 59—60, 62, 70.)

не идут, и стало де у него з донскими казаки надвое, что они зовут ево с собою под Азов, а у него де государева указу о том нет, и он де пошлет к государю к Москве от себя станицу, а сам до государева указу учнет стоять на одном месте.

И после де того как столник и воевода князь Семен Пожарской ездил х казаком в городок, на третей день учили донские казаки под Черкасским городком поделывать и урезать струги, в чем идти под Азов. И в тот же день собрався астраханских конных стрелцов розных приказов семьсот человек, учили столнику и воеводе князю Семену Пожарскому говорить, что де он с ними под крымские и урмаметевых детей улусы не пошел, а они де стрелцы, на одном месте стоя, голодом помереть не хотят, и идут де они с казаками под Азов. И изговоря де столнику и воеводе, те стрелцы учили через Дон перевозитца с Крымские стороны на азовскую сторону⁶³ в стругах, а струги де к ним подводили из городка казаки. И столник де и воевода с писменными и с стрелецкими головами тех стрелцов унимали, чтоб они через Дон на азовскую сторону не переходили, и с казаками под Азов не ходили. И те де стрелцы не послушали, (Л. 218) и столнику и воеводе, и головам отказывали з бранными словами, что де они не воротятца, а идут с казаками под Азов. А будет де он пошлет за ними и учнет их ворочать в неволю, и у них де быть смертному убийству. И столника де и воеводы и голов те стрелцы не послушали, и перешед за Дон, стали на азовской стороне с терскими ратными людьми — с стрелцы, и з гребенскими казаки, и с черкасы, и с окочены. И того ж де дни донские казаки ис-под Черкаского городка, а с ними русские ратные люди, которые присланы с воеводою с Жданом Кондыревым, пошли в стругах, а сказывают де, что стругов болших и малых было с пятьсот⁶⁴, а на кошу де оставляли верховые ратные люди з десятка по два человека, а в Черкасском де городке казаков оставалась со сто человек. А на завтра де тово стругового походу и астраханские конные стрелцы, которые от столника и воеводы из-за Дону перешли, да с ними донских казаков конных со сто человек, и терские стрелцы, и гребенские казаки, и черкасы, и окочения, и терские татаровя все, которые стояли на азовской стороне, пошли под Азов конми. И после де того на третей, или на четвертый день те астраханские конные стрель-

⁶³ Азовская сторона — левая сторона р. Дон; обычно в источниках она носит наименование ногайской стороны. Азов находился на данной стороне Дона.

⁶⁴ В походе участвовало большое количество малых судов по 10—15, а в иных и по 8 человек экипажа. Однако цифра в 500 стругов все же, безусловно, преувеличена. Так, в поход Доном на взморье 31 мая — 4 июня 1646 г. ходило 1500 человек в 150 судах. (Донские дела. Кн. 3. Л. 70.)

цы, и донские казаки, и терские ратные люди все пришли ис-под Азова назад и привели с собою языков дву человек⁶⁵, да татарского полону с тритцать человек⁶⁶, да пригнали (Л. 219) лошадей с тритцать, да коров с пятьсот, да овец с триста, и учили стоять на азовской ж[е] стороне против казачья Черкаского городка, а к столнику и воеводе ко князю Семену Пожарскому за Дон на Крымскую сторону не поехали.

И столник де и воевода князь Семен Пожарской посылал от себя из-за Дону на азовскую сторону к астраханским и терским стрелцом, и к гребенским казаком, и к черкасом детей боярских и сотников стрелецких, и неодинова, и приказывал к ним, чтоб они шли к нему за Дон на Крымскую сторону. И те де астраханские стрельцы и терские ратные люди к столнику и воеводе за Дон не пошли, а приказывали, что де они идти к нему боятца. И слышел де он (Салтанаш. — О.К.) от донских казаков, что де они конные люди сошлись с пешими людьми, которые ездили в стругах под Азов, и приходили под Азов все вместе безвестно на утреней зоре⁶⁷, и первые де люди в азовской в Глиеновой город⁶⁸ вошли было, и азовские де люди из Азова с Каменного города⁶⁹ учили стрелять из наряду ис пушек, и из Глиенова города [их] выбили. А сколько в Азове в те поры людей было, про то он ни от ково не слыхал. И донские де казаки и верховые ратные пешие люди, отшед ис-под Азова, пошли в стругах на море, потому что в те поры на море стояли пять каторг, а конные де астраханские стрелцы, и тер(Л. 220)ские ратные люди, и донские казаки пошли ис-под Азова на азовские улусы, а азовские де улусы в те поры сидели блиско Азова в осыпи⁷⁰. И те де азовские улусы они погромили, и татар побили, а ясырь, и лошади, и животину поимали, и пришли назад. А после де приходу конных людей на третьей день пешие ратные люди и донские казаки в стругах с моря пришли к Черкаскому городку и привели с собою две каторги, а на них тритцать пушек, да знамен с пять или с шесть. Да в катаргах же привезли запасов — пшени-

⁶⁵ Языки — пленники из числа взрослых мужчин, под которыми в данном случае следует понимать боееспособное население, воинов.

⁶⁶ Полон — пленники. В данном случае слово обозначает захваченных в плен женщин и детей.

⁶⁷ Здесь видим сходство казачьих и татарских приемов степной войны; впрочем, скорее это было заимствование со стороны казаков.

⁶⁸ Речь идет, без сомнения, о защищенном укреплении пригороде Азова под названием Топраков город.

⁶⁹ Речь, безусловно, о Ташкалове — азовском «пригороде», составлявшем внутренние укрепления наряду с собственно Азовом (выражение «Таш-кала» означает «Каменный город»).

⁷⁰ Осыпь — местность близ Азова, укрепленная рвами с целью защиты кочующих под этим городом азовских татар.

цы, и пшена, и винограду давленово, и товары небольшие. И слышел де он Солтанаш-мурза от донских казаков, что де с тех катарг люди до их приходу съехали в город в Азов, а были де на катаргах оставлены небольшие люди, и те люди в приход их с катарг розбежались на степь, а иных де небольших людей на катаргах они побили и три катарги, прорубя, потопили в море. А присланы де были те катарги из Царягорода к азовским людям з запасы⁷¹.

И после де приезде тех ратных людей бил челом он, Солтанаш-мурза, столнику и воеводе князю Семену Пожарскому, чтоб он людей ево солтанашевых, которые вместе с ним даны были за пристава, велел бы из-за пристава свободить на поруку. И столник и воевода князь (Л. 221) (утрата неясной по размеру, но, по-видимому, небольшой части текста. – О.К.) их поставить перед государем, и о том де им в те поры указ будет. И велел де столник и воевода тех ево людей держати за приставом. Да после де того, как ратные пешие люди и казаки с моря с катаргами в Черкаской городок приехали, на третьей день поутру прислали донские казаки ис Черкаского городка к столнику и воеводе ко князю Семену Пожарскому, что де их донские казаки взяли языков, и языки де им сказывали, что азовские де улусы кочуют от Азова во днище на урочище на речке на Ие⁷², и они де донские казаки на те азовские улусы идут, а он де столник и воевода князь Семен Пожарской з государевыми ратными людьми идут ли с ними или нет?

И столник де и воевода князь Семен Пожарской х казаком приказал, что он на азовские улусы с ними вместе пойдет, и того ж де утра, как донские казаки к столнику и воеводе с вестью про азовские улусы прислали, князь Муцал Черкаской с своими людьми, да Би-мурза Ищереков с товарищи и со всеми своими улусными людьми из-за Дону с Крымские стороны с станов перевезлись на азовскую сторону, и з донскими казаки, и с терскими ратными людьми, и с астраханскими стрелцы, которые (Л. 222) ходили з донскими казаки под Азов, пошли на азовские улусы наперед, а столник и воевода князь Семен Пожарской у наряду у пушек оставил на стану на Крымской стороне пушкарского голову Олексея Бахмурова, да с ним сто человек стрелцов, а з достальными з государевыми со всеми рускими ратными людьми и с мурзы, и с татары, и с писменными и стрелецкими головами через Дон от станов своих с Крымские стороны перевезлись на азовскую сторону и пошли на азовские улусы за передними людьми, и сошли передних людей ночью на стану на урочище на Когунлике⁷³. А назавторее перед зорею с тово стану пошли, и о пол-

⁷¹ Речь идет о караване с продовольствием из Стамбула.

⁷² Река Ея.

⁷³ Когунлик — р. Кагальник к югу от Азова.

днях наехали на речке Ие тележную кочевную сакму⁷⁴, (Л. 223) и по той тележной сакме об вечернях сошли на речке Ие азовских и нагайских улусов, которые нагайские улусы в прошлых годах ис-под Асторохани отходили, и с тех мест жили все под Азовом. А было де в тех улусех дворов з две тысячи, и на те улусы ударились, и взяли их всеми ратными людьми, и в улусех взяли полону с семь тысяч, да коров с шесть тысяч, да овец з две тысячи, и в тот же де погром князь Муцал Черкасской, сложась з донскими казаки, и с терскими з гребенскими казаки ж, и с стрелцы, и с черкасы, и с окочены, и с терскими татары, и с астороханскими с конными стрелцы, погромной полон и животину у астороханских детей боярских, и у стрелцов, и у мурз, и у табунных голов, и у татар отымали насилством и грабежем, да и их лошади и платье с них донага грабили и отошли вверх, и остановились на урочище Когунлике, а нагайской Би-мурза Ищереков с сыном и с яштерековыми детми и с улусными своими людьми отошли с князь Муцалом вместе.

И столник де и воевода князь Семен Пожарской посылал х князь Муцалу и к донским казаком говорить, для чего они у государевых людей полон и животину отымали насилством и ставятца от него на розно, и они б де погромной полон (Л. 224) и животину государевым людям отдали и стояли б все вместе, а не на розно, да и сам де столник и воевода х князь Муцалу, и к донским казаком, и к терским ратным людям к станом ездил, и о том им говорил. И донские де казаки, и терские ратные люди, и астороханские конные стрелцы семьсот человек столника и воеводы не послушали, погромново ничево государевым ратным людям не отдали и отказывали ему з бранью, и из дву пищалей по нем выстрелили, и с станов своих к станом ево не пришли и заначевали на Когунлике.

А столник и воевода князь Семен Пожарской с письменными и с стрелецкими головами и с стрелцы, опроче семисот человек стрелцов, которые с Муцалом, и с мурзами, и с табунными головами, и с татары, погромя улусы, заначевали на том месте по речке Ие, в котором месте улусы погромили. И тое ж де ночи в с[та]ны их приходили ис степи азовские и нагайские татаровя выкрадывать жон своих и детей, и на-завтрее де поутру государевы русские ратные люди и татаровя в станех перехватили тех прихожих азовских, и нагайских, и казыевских⁷⁵ татар шездесят человек живых, а иных многих побили. И тех взятых людей привели к столнику и воеводе, а в тех же де взятых татарех один татарин был кры[мский] (Л. 225) ведущей человек, Утевлюем зовут. И ска-

⁷⁴ Сакма — след в степи, обычно от прохождения конницы. В данном случае речь о следе, оставленном прокочевавшими здесь татарскими улусами: «тележная кочевная сакма» — след, оставленный татарскими кибитками.

⁷⁵ Речь о татарах Малой Ногайской орды.

зывал де ему Салтанашу-мурзе столник и воевода князь Семен Пожарской: в роспросе де ему тот крымской татарин сказывал — присылал де в Азов с вестью про приход государевых ратных людей Чебан-мурза людей своих, Атака с товарищем, и тово де татарина Атака из Азова прислали в Крым к царю, а крымской де царь послал ево к турскому солтану в Царьгород, а ево де, Салтанаша-мурзу, Бог помиловал. Да того же утра велел столник и воевода князь Семен Пожарской ухватить нагайского татарина Ямгурчей-мурзина улусу кейкуватова кипчатцкого родства Боянка Келекеева, и говорил ему: гонялся де он вчарась за азовскими татары и подал им весть. И велел де тово татарина отдать за пристава стрелцом, и стрелцы де того татарина держали за береженьем у столника и воеводы у князя Семена в его стану. А отдав де того татарина за пристава и роспрося взятых татар, столник и воевода князь Семен Пожарской з государевыми ратными людьми того ж дни с того места, где улусы погромили, пошли назад. И пришед к урочищу х Когунлику, блиско того места, где князь Муцал Черкаской и Би-мурза з донскими казаки и с терскими ратными людьми с погромным полоном и з животиною стояли, на том (Л. 226) месте начевали, а назавтрее с того места пошли к Дону. А князь Муцал и Би-мурза с терскими ратными людьми и з донскими казаки остались на Когунлике, учили полон и животину делить.

И к Дону де столник и воевода з государевыми ратными людьми к наряду и к станом своим пришли после погрому в пятой день и перешли через Дон с азовские стороны на Крымскую сторону к наряду на прежние свои станы. А князь Муцал де Черкаской з Би-мурзою, и з донскими казаки, и с терскими ратными людьми пришли к Дону после столника и воеводы в тот же день и учили стоять у Дону на азовской стороне от столника и воеводы верстах в пяти. И столник де и воевода князь Семен Пожарской х князю Муцалу, и к Би-мурзе, и ко всем терским ратным людям и к астороханским конным стрелцом посылал от себя многижда свияженина Иваниса Колоднича и голову стрелецкого Якова Ушакова, и иных детей боярских, чтоб они с азовские стороны шли к нему за Дон на Крымскую сторону и стояли б с ним вместе, а не розно. И астороханские де конные стрелцы семсот человек, розпродав свои азовские взятые ясыри и животину, на третей день из-за Дону с азовские стороны перешли к столнику (Л. 227) и воеводе на Крымскую сторону, а князь Муцал Черкаской и Би-мурза Иштереков со всеми терскими ратными и своими улусными людьми к столнику и воеводе на Крымскую сторону не перешли, и учили стоять на азовской стороне, и соединачились з донскими казаки, потому что с князь Муцалом де Черкасским были восемь человек казыевских татар, а взял де их князь Муцал с собою, идучи с Терка, на дороге для того — как бы де государевы ратные люди пошли войною на казыевские улусы, и ему послать было их в казыевские улусы

с вестью наперед. И столник де и воевода тех казыевских татар у князь Муцала прошал, и он их ему не дал.

И после де того, как столник и воевода князь Семен з государевыми ратными людьми ис походу к наряду на прежние свои станы пришли, в осмой день на утреней зоре безвестно⁷⁶ пришел по азовской стороне на князь Муцаловы и на Би-мурзины станы крымской нурадын-царевич, а с ним крымских татар тысяча, да казыевских ураковых детей мурз и улусных людей шесть тысяч пятьсот человек, и князь Муцала с терскими ратными людьми смяли, и знамя у князь Муцала отбили, а нагайской де Би-мурза с сыном и яштерековы дети с улусными своими людьми и с терскими татары, не постояв нисколко, побежали в степь к терской стороне к своим улусом, а погонщики за ними были ль или нет, (Л. 228) того он не ведает. А князь Муцал де Черкасской с терскими стрелцы, и з гребенскими казаки, и с черкасы, справясь, учили с крымским царевичем битца, а вести к столнику и воеводе ко князю Семену Пожарскому о том не подали. И как де у князь Муцала с крымским царевичем учинился бой, и в станех де у столника и воеводы у князь Семена Пожарского стрельба из ружья и визг слышать стало, — алучилось де то дело поутру, часу в другом дни, — и того ж де часу столник и воевода князь Семен Пожарской велел к себе привести нагайского татарина, Ямгурчей-мурзина улусного человека, которого он отдал было за пристава в те поры, как азовские улусы погромили, и взял у него аргамак доброй, и из-за пристава ево велел свободить. И в ту ж де пору, как послышали у князь Муцала с крымскими ратными людьми бой, наперед всех людей он Солтанаш-мурза отпустил от себя ко князю Муцалу на помочь людей своих с пятьдесят человек, и те де ево люди через Дон переплыли об лошадях и пришли х князь Муцалу, а столник де и воевода князь Семен Пожарской с писменными и стрелецкими головами, и з детми боярскими, и с сотники стрелецкими, да с мурзами — с Алеем, да з Борисом, да с Ян-маметем, да с ним с Салтанашем, да с ними ж с триста или с чetyреста человек конных стрелцов с станов своих прибежали х казачью к Черкасскому городку и, пометався в казачьи струги и в лотки, учили под Черкасским городком перевозитца на азовскую сторо(Л. 229)ну на помочь х князь Муцалу. А достальные де государевы ратные люди — астраханские стрелцы и татаровя остались на станех у наряду. А донские де казаки и государевы верховые ратные пешие люди, которые присланы с воеводою з Жданом Кондыревым, с ними ж вместе ис-под Черкасского городка перевезлись на азовскую сторону. И перевезщись, де столник и воевода с астраханскими с конными ратными людьми от Дону пошол к Муцалу на помочь с пешими ратными людьми и с казаки вместе. И шед-

⁷⁶ Здесь видим типичный татарский прием, применявшийся при нападении.

чися с князь Муцалом на степи от реки Дону верстах в трех, и учинили с крымским царевичем бой, и билися жестоким свалным боем, и на бою друг у друга луки из рук вырывали, и было у них бою часа с четыре. И Божию де милостию и государевым царевым и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии счастьем многих крымских и казыевских татар на бою государевы ратные люди побили и переранили, да в языцах взяли государевы астраханские ратные люди двух человек, да терские ратные люди взяли одного человека и отдали князю Муцалу Черкасскому. А крымские де ратные люди на том бою с царевичевым знаменем пробились было и смешались з государевыми ратными людьми, и в те поры на бою крымские ратные люди столника и воеводу князя Семена Пожарского из лука ранили в правую руку сквозь пансырь, да (Л. 230) писменно голову Олексея Хрущева из лука ж ранили в правой бок сквозь пансырь, да едисанского Алея-мурзу Уурсова ранили в правую руку повыше лохтя, да детей боярских, и стрелцов конных, и черкас и окочен переранили, а скольких человек, того не ведает. Да астраханца сына боярского Онтон Пшагина, да стрелцов человек с пять побили до смерти, и государевых де ратных людей крымские ратные люди пожали было назад, а у него де Салтанаша-мурзы убили знаменщика и знамя отбили, а знамя де у него было свияженина Иваниса Колоднича. И к государевым де ратным х конным людям на бой подоспели государевы ж ратные пешие люди и донские казаки, и крымских ратных людей остановили, и из ружья учили крымских ратных людей побивать. Да к ним же де на бой подоспели из-за Дону от наряду с станов достальные все государевы астраханские ратные русские люди, и татаровя конные, и учили с крымскими ратными людьми битца. И крымской де царевич с ратными своими людьми, видя то, что государевых ратных людей прибывает и учал у него быть упадок, пошел назад. И государевы де ратные люди шли за ними верст с пять и воротились, потому что столник и воевода ранен и гонять им стало не с кем. И поворотясь де з бою, столник и воевода князь Семен Пожарской з государевыми рускими с астраханскими ратными людьми, [да] с ними с мурзами и с татары перевезлись (Л. 231) за реку Дон на Крымскую сторону к наряду на прежние свои станы. А князь Муцал де Черкасской с терскими ратными людьми остался было на азовской стороне, а наавтрее того поутру, часу в третьем дни, князь Муцал Черкасской, да с ним терских ратных людей стрелцов, и гребенских казаков, и черкас, и окочен с триста человек с азовские стороны перевезлись на Крымскую ж сторону, и на Крымской стороне учили стоять от столника и воеводы в версте, и на другой день к столнику и воеводе князь Муцал приезжал, а что меж ими было речей, того он не ведает. А татарина де, которого взяли в языцах терские ратные люди, князь Муцал столнику и воеводе не отдал, держит у себя. И стояли де они все

за Доном на Крымской стороне после бою крымского царевича четыре дни, а походу у них никуды не было. А на пятой день призвал столник и воевода князь Семен Пожарской к себе их — нагайских, и едисанских, и юртовских мурз и табунных голов, и говорил им, что он хочет послать от себя к государю станицу, а писати о том, что князь Муцал Черкасской з Би-мурзою и с терскими ратными людьми, да астраханских семсот человек стрелцов, сложась з донскими казаки, государева указу не слушали, и погромной полон и животину грабежом отымали, и по нем, столнику и воеводе, стреляли. А они б де мур(Л. 232)зы и табунные головы о том, что у них делалось, к государю от себя писали ж. И они де нагайские, и едисанские, и юртовские мурзы и табунные головы назавтрее того, написав татарским писмом листы, принесли было к столнику и воеводе ко князю Семену Пожарскому. И столник де и воевода тех листов у них не принял, а говорил им, что на князь Муцала де и на донских казаков писати им нечего потому: все де они государю служили заодно, а с князь Муцалом Черкасским и з донскими казаки столник и воевода князь Семен помирился, и одного де крымского взятого языка столник и воевода отдал донским казаком. И велел де столник и воевода князь Семен одним юртовским табунным головам, Келимбетю Рамазанову с товарищи написати другой лист, а о чем в листу велел им писать, тово он Салтанаш-мурза не ведает. И юртовские де табунные головы Келимбет с товарищи, написав другой лист, к столнику и воеводе приносили, и он де у них и тово листа не принял же. А в станице де ехать нарядил было сперва свияженину Иванису Колодничю, да юртовскому Эр-мурзе Иш-мурзину, да ево Салтанаш-мурзину улусному человеку Келдею, а после того Эр-мурзе и ево Салтанаш-мурзину человеку Келдейку в станице ехать отказал, а нарядил ехать едисанскому Янмаметю-мурзе Янаеву и станицы не отпустил ден с шесть. И они де мурзы (Л. 233) и табунные головы, собрався, пришед к столнику и воеводе, учили бити челом, что де им, стоячи на одном месте, лошади свои поморить, и чтоб он столник и воевода по государеву указу шол с ними на крымские, или урмаметевых детей, или на казыевские ураковых детей на улусы, или под Азов, а на одном бы месте их не держал.

И столник и воевода князь Семен Пожарской им говорил, что де у него ныне взяты крымские языки, и он де тех языков посылает и пишет о всем к государю к Москве, а без государева де указу с тово места, где ныне стоит, никуды он не пойдет. И мурзы де и табунные головы учили столнику и воеводе говорить, что они слышали от крымских языков: крымской де царь с ратными людьми будет к Азову, и ис-под Азова де приходить ему будет и на них. А то де место под Черкасским городком, где они ныне стоят, некрепко, и толко де будет приход — и люди де в Черкасском городке (т. е. отступив туда? — О.К.) просидят, а лошади у них все

отгонят. А есть де место крепкое вверх по Дону, от Черкасского городка в полуторе днищах Роздорной остров (Л. 234) большой, и на том де острову ратным людем и лошадем пробывать будет до государева указу мочно и кормитца де государевым ратным людем на том месте будет есть чем, потому что всякого зверю — оленей, и изубрей, и диких лошадей о том месте много. И столник де и воевода князь Семен Пожарской им сказал: хотя де их лошади хто и отгонят, или они сами и лошади их з голоду помрут, а ему де без государева указу с того места никуды не хаживать.

Да им же де мурзам и табунным головам говорил писменой голова Алексей Хрущов, что у них де у русских людей, как они бывают в верховых местех на государевых службах, ведетца так: хотя де лошади у них хто отгоняет, или з голоду лошади помрут, а будет де им и самим голод учинитца, и они де з жеребья десятово человека едят, а без государева де указу з государевы службы не ездят и не бегают. И послыша де те слова, улусные их черные люди все учили меж собою говорить: то де знатно, что де их и лошади, и их хотят на одном месте голодом поморить, а под Крым, и под Азов, и в крепкие места не идут. И на другой день ночью и поутру после тех слов улусные их черные люди все из-за Дону собою пошли к Астарахани в свои улусы, а после де улусных черных людей на(Л. 235)завтрее пошли к Астарахани ж Ямгурчей-мурза кейкуватов з братьею, да с ними ж вместе пошли юртовские мурзы и табунные головы, а он де Салтанаш-мурза остался было на стану. А после их на другой день он Салтанаш-мурза, пришед к едисанским мурзам к Алею-мурзе, да к Янмаметю-мурзе с товарищи, являл, что он Салтанаш-мурза наперед сего на государевых службах и с Ываном Кондыревым в Литовском походе бывал, а з государевых служб не бегивал. А на нынешней де государеве службе столник и воевода князь Семен Пожарской без вины давал ево Салтанаша за пристава, и он за приставом нужу видел, а вперед де он от столника и воеводы от князя Семена потому ж боитца, чтоб ево не выдал казаком, потому что их мурзы и татаровя розъехались, а от казаков де он боитца смертного убойства⁷⁷, и он де ныне по нуже едет в Астарахань, а толко б де на него Салтанаша не та нужда, и он бы де, хотя голодом на государеве службе умер, а с службы б не бежал. И поехал де он Салтанаш-мурза в Астарахань собою без отпуску, и в том де волен Бог да государь. А станица де (Л. 236) по их поезд к государю не послана была, а отпуску быть было после их на другой день.

И поедучи де он Салтанаш з государевы службы из-за Дону, съехал нагайских и юртовских мурз и табунных голов Ямгурчей-мурзу кейкуватова с товарищи в тре[тий] день на урочище на речке Сал. И приехали они нагайские мурзы в свои улусы от Дону в третьянацатой день,

⁷⁷ См. вводную часть.

а ни с какими людьми на степи нигде и до улусов не видались. А с столником де и воеводою со князем Семеном Пожарским на государеве службе остались иноземцы: князь Муцал Черкасской, да едиганские мурзы урусовы дети Алей-мурза, Борис-мурза, Кол-мурза; да Янмамет-мурза, да Шаим-мурза Янаевы; да Алей-мурзин сын Ислам-мурза; да Кантемир-мурза князь Канаев; да Ак-Сары-мурза Батырчин, Тударык-мурза Шейдяков, да Кучюк-мурза Алатуев с улусными своими людьми, а сколько с ними улусных людей осталось, того он подлинно не ведает.

Припись: Дмитрий Протопопов

РГАДА. Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. Раздел 2. 1646 г. № 4. Л. 205—236.

Список источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. 1613—1645. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. III, 501, 16 с.

2. Акты Московского государства. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635—1659. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. 774 с.

3. *Бабулин И.Б.* Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с.

4. Донские дела. Кн. 1. (1594—1639 гг.) / Ред. В.Г. Дружинин. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1898. 1081 с. (Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссией. Т. XVIII).

5. Донские дела. Кн. 2. (1640—1646 гг.) / Ред. В.Г. Дружинин. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1906. 1240 с. (Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссией. Т. XXIV).

6. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы (К 400-летию присоединения Кабарды к России). В 2 т. Т. 1. XVI—XVII вв. / Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. XVI, 478 с.

7. *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637—1667). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. 456 с.

8. *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: «Старая Басманная», 2014. 596 с.

9. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.

10. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М.: «Наука», 1994. 223 с.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11—12. М.: «Мысль», 1991. 671 с.

Сведения об авторе

Куц Олег Юрьевич (1970—2023), кандидат исторических наук, историк донского казачества, независимый исследователь, автор более 20 научных публикаций, включая две монографии, по истории донского казачества XVII в.

Information about the author

Kutz Oleg Yuryevich (1970—2023), Candidate of Historical Sciences, historian of the Don Cossacks, independent researcher, author of more than 20 scientific publications, including 2 monographs, on the history of the Don Cossacks of the XVII century.